

ФИЛОСОФИЯ И ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

-
- Классическое и неклассическое определения ценности
 - Понятия философа и философии, или об актуальности метафилософии
 - Традиции и новации в современной доктрине православной церкви
-

УДК 124.5

Классическое и неклассическое определения ценности

А. А. Ивин, доктор философских наук, профессор*

И. П. Никитина, доктор философских наук, профессор*

Статья посвящена анализу такого ключевого понятия аксиологии, как ценность. Авторы показывают, что в социально-гуманитарном знании XX века происходит переход от классической трактовки понятия ценности к неклассической. В классическом смысле позитивная (негативная) ценность трактовалась как свойство оцениваемого объекта или свойство того социального стандарта, который использовался для процесса оценивания. В неклассическом смысле позитивная (негативная) ценность трактуется как отношение между оцениваемым объектом и утверждением об этом объекте. Если объект удовлетворяет предъявляемым к нему требованиям, он является позитивно ценным. Неклассическое понимание ценностей предполагает оппозицию двух разных использований языка: описательное (дескриптивное) и оценочное (прескриптивное).

Ключевые слова: ценность, отношение, образец, описание, оценка, классическое понимание ценностей, неклассическое понимание ценностей, истина и ценность.

Classical and Nonclassical Definitions of Value

A. A. Ivin, PhD in Philosophy, Professor

I. P. Nikitina, PhD in Philosophy, Professor

The article is devoted to the modern axiology and shows the transition from classical definition of value to nonclassical definition of that notion in XX century. In classical sense the positive (negative) value is the property of that object which is evaluated or the property of this social standard which is used in the process of estimation. In nonclassical sense the positive (negative) value is the relation between appraised object and the assertion about this object. If the object is satisfied to pronounced demands then it has positive value. Nonclassical understanding of the values presupposes the opposition of two different uses of language: descriptive use and evaluative (prescriptive) use.

Keywords: value, relation, standard, description, estimate, classical treatment of values, nonclassical treatment of values, truth and value.

Для понятия «ценность» характерна явно выраженная многозначность. Ценностью может называться любой из тех трех элементов, из которых обычно складывается ситуация оценивания: *оцениваемый предмет; социальный образец*, нередко лежащий в основе оценки; *отношение соответствия* оцениваемого объекта утверждению о том, каким он должен быть.

Например, если человек спасает утопающего, ценностью может считаться или само действие спасения; или тот идеал, который требует приходить на помощь человеку, терпящему бедствие; или, наконец, соответствие ситуации подразумеваемому

или формулируемому эксплицитно принципу, что тонущего следует спасать.

Истолкование ценности как *свойства* оцениваемых объектов или как *того образца*, на основе которого выносится оценка, можно назвать *классическим*. Это истолкование безраздельно доминировало в мышлении Нового времени. И сейчас еще как бы по инерции большинство предлагаемых определений ценности ориентируется именно на первые два значения. Ценностью объявляется предмет некоторого желания, стремления и т. п. (объект, значимый для человека или группы лиц) или же тот образец, на который опирается оценка.

Как писал в 20-е гг. прошлого века Р. Б. Перри: «Ценность — любой предмет любого интереса» [1]. Я. Ф. Фриз, И. Ф. Гербарт и особенно Г. Лотце, введшие в широкий философский оборот понятие ценности, понимали под ценностями те социальные по своему происхождению образцы, на кото-

* Ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Москва).

* Профессор Всероссийского государственного университета кинематографии имени С. А. Герасимова РАН (Москва).

рые зачастую, но отнюдь не всегда, опираются выносимые оценки. Отождествление ценностей с образцами было характерно и для Г. Риккетса, попытавшегося развить философию как науку об общезначимых («трансцендентальных») социальных образцах, или ценностях. Использование понятия ценности в смысле устойчивого, общеобразовательного идеала или образца, на основе которого выносятся конкретные оценки, характерно для аксиологии А. фон Мейнинга, этических теорий М. Шелера, Н. Гартмана, А. Гильдебранда и др. Обычные в аксиологии рассуждения об особом «мире ценностей», отнесение к ценностям истины, добра, красоты и т. п. правомерны лишь при понимании ценностей как образцов (см. [2]).

Вместе с тем такое понимание основательно искаивает и запутывает проблему ценностей. Прежде всего большинство реальных оценок не опираются на какие-либо образцы; для многих объектов устоявшиеся образцы их оценки просто отсутствуют. Ценности не существуют вне ситуации (реального или потенциального) оценивания, так же как истинность невозможна вне описания реальности. Далее, в каждой новой ситуации человек не только оценивает, но и уточняет, конкретизирует или пересматривает тот образец, на основе которого принято выносить оценочное суждение о рассматриваемых объектах. Сами образцы формируются в процессе оценивания и являются всего лишь своеобразным экспресс-трактом из него. Если бы это было не так, невозможно было бы понять, откуда появляются образцы и почему они изменяются со временем. Рассуждения об особом «мире ценностей», о «трансцендентальных социальных образцах», о критическом исследовании некоторых «общеобязательных ценностей», по-разному проявляющихся в разные эпохи, и т. п. — результат отрыва ценностей от реальных процессов оценивания, в ходе которых они формируются и изменяются. Отождествление ценностей с образцами оценок затемняет параллель между истиной и ценностью как двумя противоположно направленными способами сопоставления мысли и действительности и представляет ценности не как выражения человеческой воли и способности к целерациональному, в смысле М. Вебера, действию, а как некое абстрактное, априорное условие практики преобразования мира. Можно говорить об особом «мире образцов», но лишь предполагая, что он является только надстройкой над человеческой деятельностью и тем реальным оцениванием, без которого невозможна последняя.

Понимание ценностей как образцов оценивания нередко используется в философской теории ценностей (аксиологии), в социологии и почти во всех общетеоретических рассуждениях о ценностях. В этом

смысле говорят об «этических ценностях» (моральные добродетели, сострадание, любовь к ближнему и т. п.), «эстетических ценностях», «ценностях культуры»: гуманизме, демократии, автономии и суверенитете индивида и т. д. (см. об этом [3], [4], [5]).

В неклассическом мышлении, начавшем формироваться в начале XX в., понимание ценностей постепенно становится принципиально иным. Ценность истолковывается уже не как свойство оцениваемых предметов или образцов оценивания, а как *отношение*, а именно отношение между оцениваемым объектом и утверждением о том, каким должен быть этот объект.

Одним из первых истолковал «добро» не как свойство оцениваемых объектов, а как отношение между объектом и мыслью о нем Дж. Мур [6]. В дальнейшем неклассического определения ценностей придерживались Б. Рассел, Л. Витгенштейн, К. И. Льюис и др. В отечественной литературе неклассическое определение ценностей развивается О. Г. Дробницким [7], А. А. Ивиным [8; 9], В. В. Бычковым [10] и др.

Ценность как отношение соответствия объекта представлению о нем является противоположностью истины как отношения соответствия представления объекту. Истинностное отношение между мыслью и объектом находит свое выражение в описаниях, ценостное отношение — в оценках. В случае первого отношения отправным пунктом сопоставления утверждения и объекта является объект, в случае второго отношения таким пунктом служит утверждение. Если описательное утверждение не соответствует своему объекту, должно быть изменено описание, а не его объект; в случае отсутствия соответствия между оценочным утверждением и его объектом, изменению подлежит объект, а не его оценка.

Допустим, сопоставляются некоторый дом и его план. Если за исходное принимается дом, можно сказать, что план, соответствующий дому, является истинным; в случае несоответствия плана дому, усовершенствован должен быть план, а не дом. Но когда за исходное принимается план (скажем, план архитектора), можно сказать, что дом, отвечающий плану, является хорошим, т. е. таким, каким он должен быть; если дом не отвечает плану, усовершенствованию подлежит дом, а не план.

Утверждение и ситуация, которой оно касается, могут находиться между собой в двух противоположных отношениях: *описательном* и *оценочном*. В случае первого отправным пунктом сопоставления является ситуация, утверждение выступает как ее описание и характеризуется в терминах понятий «истинно» и «ложно». В случае оценочного отношения исходным является утверждение, функционирующее как стандарт, перспектива, план. Соответствие ему ситуации

характеризуется в терминах понятий «хорошо», «безразлично» и «плохо». Истинным является утверждение, соответствующее описываемой им ситуации. Позитивно ценна ситуация, соответствующая высказанному о ней утверждению, отвечающая предъявляемым к ней требованиям. Иначе говоря, позитивно ценной является такая ситуация, какой она должна быть в соответствии с существующим в данном обществе образом, или стандартом, объектов рассматриваемого рода или в соответствии с представлениями субъекта о совершенстве таких объектов.

Возможность двух противоположных направлений приспособления утверждения к тому фрагменту действительности, которого оно касается, с особой наглядностью показывается таким примером. Предположим, что некий покупатель, снабженный списком, наполняет в универсаме свою тележку указанными в этом списке товарами. Другой человек, наблюдающий за ним, составляет список отобранных им предметов. При выходе из магазина в руках у покупателя и его наблюдателя могут оказаться два одинаковых списка, но эти списки имеют прямо противоположные функции. Цель списка покупателя в том, чтобы, так сказать, «приспособить мир к словам»; цель списка наблюдателя — «привести слова в согласие с миром». Для покупателя отправным пунктом служит список; мир, преобразованный в соответствии с последним и отвечающий ему, будет позитивно ценным (хорошим). Для наблюдателя исходным является мир; список, соответствующий ему, будет истинным. Различие между противоположными позициями особенно отчетливо проявляется в случае ошибочного действия. Если допускает ошибку покупатель, для ее исправления он предпринимает предметные действия, видоизменяя *плохой*, не отвечающий списку мир. Если ошибается наблюдатель, он вносит изменения в *ложный*, не согласующийся с миром список.

Цель описания — сделать так, чтобы слова соответствовали миру; цель оценки — сделать так, чтобы мир отвечал словам. Очевидно, что это — противоположные функции, не сводимые друг с другом. Нет оснований также считать, что описательная функция языка является первичной или более фундаментальной, чем его оценочная функция. Описание мира является выражением способности человека к *созерцанию*, оценка мира — это выражение способности человека к *действию*. Созерцание и действие взаимно дополняют друг друга, ни одна из этих способностей человека не является более важной, чем другая.

Из истории философии известно, что противопоставление описаний и оценок, характерное для неклассического истолкования понятия ценности, довольно часто оказывалось причиной ошиб-

бочного отождествления истины и добра. Подобное отождествление допускали, в частности, Фома Аквинский, Г. В. Лейбниц, И. Кант.

Подмена истинностного отношения ценностным и истины добром лежит в основе всей философской концепции Г. В. Ф. Гегеля. Наиболее совершенный способ познания — это, по Гегелю, познание в чистой форме мышления, где человек действует совершенно свободно. «Обыкновенно мы называем истиной согласие предмета с нашим представлением. Мы имеем при этом в качестве предпосылки предмет, которому должно соответствовать наше представление о нем. В философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой. Это, следовательно, совершенно другое значение истины, чем вышеупомянутое» [11, с. 126]. Впрочем, замечает Гегель, более глубокое (философское) значение истины встречается отчасти также и в обычном словоупотреблении; мы говорим, например, об «истинном друге» и понимаем под этим такого друга, способ действия которого соответствует понятию дружбы; точно так же мы говорим об «истинном произведении искусства». Неистинное означает в этих выражениях дурное, несоответствующее самому себе. В этом смысле плохое государство есть неистинное государство, и плохое и неистинное вообще состоит в противоречии между определением или понятием и существованием предмета. О таком плохом предмете мы можем составить себе правильное представление, но содержание этого представления есть в себе неистинное. Мы можем иметь в своей голове много правильного, но вместе с тем неистинного. Только Бог есть истинное соответствие понятия и реальности. Но все конечные вещи имеют в себе неистинность, их существование не соответствует их понятию. Поэтому они должны пойти ко дну, и эта их гибель служит проявлением несоответствия между их понятием и их существованием.

Мысль Гегеля ясна, но она ошибочна. Имеются два понятия истины. Истину как согласие представления со своим предметом Гегель именует «правильностью» и противопоставляет другому, будто бы более глубокому пониманию истины как соответствия предмета своему понятию. Однако это второе понимание, фиксирующее «согласие некоторого содержания с самим собой», говорит о том, какими должны быть вещи, и является на самом деле определением не истины, а позитивной ценности, или добра. В поддержку явной подмены истины добром или «должным» Гегель ссылается на обычное словоупотребление, на случаи, когда мы говорим об «истинных друзьях», «истинных произведениях искусства»

и т. п. Действительно, слово «истинный» иногда используется не в своем обычном смысле, а означает «настоящий, подлинный, очень хороший», короче, «такой, каким и должен быть». Но эта особенность повседневного языка говорит только о том, что в обычной жизни истинностный и ценностный подходы тесно взаимосвязаны и иногда переплетаются друг с другом, что, конечно же, не делает истину добром, а добро истиной.

Проведение различия между двумя типами истины является давней и устойчивой философской традицией. Вот как резюмирует ее И. М. Бохеньский в книге, посвященной своеобразию философского мышления. Истина означает в общем случае совпадение, соответствие мнения и «нечто». «Легко заметить, что установление этого совпадения может происходить в двух, так сказать, направлениях, — пишет Бохеньский. — В одном — когда вещь соответствует мысли, например, когда говорят: этот металл — настоящее золото, или: этот человек — настоящий герой. Этот первый вид истинного и истины философы обычно называют „онтологическим“. В других случаях, наоборот, мысль, суждение, положение и т. д. называются истинными, если они соответствуют вещам. Этот второй вид истинного имеет признак, по которому его можно легко узнать: истинными в этом втором смысле являются лишь мысли, суждения, положения, но не вещи в самом мире. Такой вид истины среди философов принято называть „логической истиной“» [12, с. 46—47].

Разумеется, никаких двух видов истины нет. Так называемая логическая истина — это истина в обычном, или классическом, понимании. Онтологическая же истина — это вовсе не истина, а позитивная ценность, добро, совершенство. Вещь, соответствующая мысли, представляет собой такую вещь, какой она должна быть, т. е., попросту говоря, хорошую или очень хорошую вещь. Утверждение «Этот человек — настоящий герой» — только сокращенная формулировка утверждения о совершенствовании: «Этот человек таков, каким должен быть герой».

Выделение двух видов истины — это не некая типичная особенность «глубокого» философского мышления, а ставшая уже традиционной путаница между истиной и добром.

Описание и оценка являются двумя полюсами, между которыми существует масса переходов. Как в повседневном языке, так и в языке науки имеются многие разновидности и описаний, и оценок. Чистые описания и чистые оценки довольно редки, большинство языковых выражений носит двойственный, или «смешанный», описательно-оценочный характер. Все это должно, разумеется, учитываться при изучении множества «языковых игр»,

или способов употребления языка. Но нужно учитьвать и то, что всякий, более тонкий, анализ употреблений языка движется в рамках исходного и фундаментального противопоставления описаний и оценок и является всего лишь его детализацией. Она полезна, по всей вероятности, в лингвистике, но лишена, скорее всего, интереса в философии и логике.

Таким образом, с точки зрения неклассического определения ценности, истина и ценность представляют собой два противоположных по своему направлению варианта соответствия между мыслью и действительностью. Это означает, что категория ценности столь же универсальна, как и категория истины. Ценности — неотъемлемый элемент любой деятельности, а значит, и всей человеческой жизни, в каких бы формах она ни протекала. Всякая деятельность, включая научное исследование, неразрывно связана с постановкой целей, следованием нормам и правилам, систематизацией и иерархизацией рассматриваемых и преобразуемых объектов, подведением их под образцы, отделением важного и фундаментального от менее существенного и второстепенного и т. д. Все эти понятия: «цель», «норма», «правило», «система», «иерархия», «образец», «фундаментальное», «второстепенное» и т. п. — являются ценностными или имеют важное оценочное содержание. Вопрос о соотношении истины и ценности является одним из аспектов более общей проблемы взаимосвязи созерцания и действия, т. е. *теории и практики*. Истинностный и ценностный подходы взаимно дополняют друг друга, и ни один из них не может быть сведен к другому или замещен им.

Список цитированных источников

1. Perry, R. B. General Theory of Value / R. B. Perry. — New York: 1926.
2. Ивин, А. А. Ценность / А. А. Ивин // Философия: энциклопед. словарь. — М., 2004.
3. Асп, Э. Введение в социологию / Э. Асп. — М., 1995.
4. Никитина, И. П. Эстетика / И. П. Никитина. — М., 2012.
5. Никитина, И. П. Философия искусства / И. П. Никитина. — М., 2010.
6. Moore, J. Principia Ethica / J. Moore. — Cambridge, 1903.
7. Дробницкий, О. Г. Мир оживших предметов / О. Г. Дробницкий. — М., 1967.
8. Iwin, A. A. Grundlagen der Logik von Wertungen / A. A. Iwin. — Berlin, 1975.
9. Ивин, А. А. Аксиология / А. А. Ивин. — М., 2006. — Гл. 1—2.
10. Бычков, В. В. Эстетика / В. В. Бычков. — М., 2002.
11. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. — Т. 1. — М., 1974.
12. Bochenski, I. M. Wege zum philosophischen Denken / I. M. Bochenski. — Freiburg, 1959.

Дата поступления в редакцию: 21.11.2013 г.